

НЕКОТОРЫЕ МИФЫ ОБ ЭЛИТЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ. ЧАСТЬ 1. ПОЛИНОМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ИНВАРИАНТНЫХ АРГОТИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ

Е.А. Зубков, А.А. Романов, А.Л. Факторович [□]

Целью исследования является анализ синтагматики и парадигматики инвариантных эндоэтнонимов, используемых профессиональными преступниками, с точки зрения полиномических отношений. Научная новизна работы заключается в применении принципов сходства и смежности к теории знаковых систем и выделении в коде профессиональных преступников культурно-знаковой, языковой и речевой репрезентаций, что позволяет исследовать арготические полиномы как разноуровневые знаки *in praesentia*, *absentia*, и *potentia* с учетом асимметрии плана выражения и плана содержания при кодировании при помощи полиномов на уровне синтагматики, парадигматики, или же при наложении парадигматических и синтагматических осей. В результате была показана идеологическая связь «(воров) в законе» с европейской преступностью и предложено создание специальной библиотеки общего пользования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: полином, синтагматика, парадигматика

ЗУБКОВ Евгений Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент Университета Яна Кохановского в г. Кельце (Польша).
yevgen.zubkov@ujk.edu.pl

РОМАНОВ Алексей Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации, директор Тверского института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций (ТИПЛиМК) Тверской ГСХА; профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики Тверского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ. romanov_tgsha@mail.ru

ФАКТОРОВИЧ Александр Львович – доктор филологических наук, профессор, профессор Кубанского государственного университета. af03@mail.ru
Преждевременно ушел из жизни 1.06.2020.

Цитирование: Зубков Е.А., Романов А.А., Факторович А.Л. Некоторые мифы об элите организованной преступности в России. Часть 1. Полиномные отношения инвариантных арготических номинаций [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2020, № 3. – С.190–213. Режим доступа: www.tverlingua.ru

SOME MYTHS ABOUT THE ELITE OF ORGANIZED CRIME IN RUSSIA. PART 1. POLYNOMIAL RELATIONS OF INVARIANT ARGOT NOMINATIONS

Eugene A. Zubkov, Aleksey A. Romanov, Alexander L. Faktorovich □

This research aims to analyze syntagmatics and paradigmatics of invariant endoethnonyms used by professional criminals from the viewpoint of polynomial relations. The scientific novelty lies in application of the principles of similarity and adjacency to semiotic studies in order to distinguish the sign-cultural, language, and speech representations in the code of professional criminals. Such specification allows us to study argot polynomials as multilevel signs in praesentia, absentia, and potentia with regard to asymmetric linguistic isomorphism when polynomials are involved in the coding process at the levels of syntagmatics, paradigmatics, or both syntagmatic and paradigmatic axes. As a result, the authors showed ideological ties of the «(thieves) in law» (superior master felons, felons in order) with the European criminal world and pointed out to the necessity of a special shared library.

KEY WORDS: polynomial, syntagmatics, paradigmatics

ZUBKOV Eugene A. – PhD. in Philology, docent of Jan Kochanowski University in Kielce (Poland). yevgen.zubkov@ujk.edu.pl

ROMANOV Aleksey A. – DSc in Philology, professor, head of the theory of language and intercultural communication, the director of Tver Institute of Applied Linguistics and Mass Communications of Tver State Agricultural Academy; professor of the chair fundamental and applied linguistics of Tver State University, Honored scientist of the Russian Federation. romanov_tgsha@mail.ru

ФАКТОРОВИЧ Alexander L. – DSc. in Philology, professor, professor of Kuban State University. af03@mail.ru Died on 1.06.2020. R.I.P.

Citation: Zubkov E.A., Romanov A.A., Faktorovich A.L. Some myths about the elite of organized crime in Russia. Part 1. Polynomial relations of invariant argot nominations [Electronic resource] // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2020, № 3. – P. 190–213. Access mode: www.tverlingua.ru

1. Введение

Профессиональная преступность исследуется специалистами из многих областей знания при использовании разных методологий в зависимости от преследуемых целей, что зачастую приводит к ошибкам в связи с отсутствием интеграции результатов исследования. Наиболее известными с точки зрения современной криминалистики являются методологические ошибки при принятии части за целое. Например, широко известен т.н. «Братский круг» как новая международная преступная организация, по поводу реального существования которой постоянно ведутся дискуссии: американские службы твердят о ее существовании, а российские таковое отрицают. Обе стороны частично правы, но каждая по-своему, поскольку «Братский круг» является временным объединением группы лиц, некоторые из которых считаются «(ворами) в законе» (принцип постоянной принадлежности). Еще одним примером может быть дело Аркадиуша Л. (псевдоним Hoss), которого посчитали «творцом» метода «на внука». Сотрудники польских служб повторили ошибку американских коллег в принятии части за целое, что привело к развалу судебного дела в Республике Польша и вызвало неоправданное возмущение в Германии: действия не связанных между собой преступных групп были приняты за организованные действия одной большой группы. Речь идет о применении старых и давно забытых методов мошенничества (как ментальных моделей), описанных почти сто лет назад в

романе «Золотой теленок» И. Ильфом и Е. Петровым (см. Зубков, 2019(2): 266-267). В российской криминалистике известно дело «Черной кошки», когда принятие части за целое создало в массовом сознании (в том числе у преступников) миф о всемогущей банде, совершавшей ограбления и убийства в разных частях СССР, тогда как имело место действие различных банд с похожими, но не идентичными способами совершения преступлений (Мацкевич, 2014: 219-254). Эти примеры показывают потребность представленных в статье лингвистических исследований, а также способов их практического применения. Как один из способов решения вышеуказанных проблем нами предложено создание специальной библиотеки общего пользования на основе определенных принципов категоризации источников.

2. Синтагматические и парадигматические отношения инвариантных арготических номинаций

Проба анализа инвариантных номинаций для означивания элиты преступности в Российской империи, Советском Союзе и Российской Федерации была предпринята ранее одним из авторов данной статьи с точки зрения теории языка, но не общей теории знаковых систем и полиномии (Зубков, 2019(1), Зубков, 2019(2)). Для установления уровневой локализованности знаков было использовано развитие мысли о сходстве и смежности, которое нашло свое методологическое выражение в работах Бодуэна де Куртенэ, выделявшего различие отношений по горизонтали и по вертикали с их последовательной сменой, его ученика Н. В. Крушевского в виде связей двух порядков ассоциаций слов по сходству и по смежности, у Ф. де Соссюра как ассоциативные и синтагматические отношения, как парадигматические и синтагматические отношения при учете структуры неязыковых семиотик у Л. Ельмслева, осей селекции (парадигматика) и комбинации (синтагматика) у Р. О. Якобсона, осей выбора (парадигматика) и комбинации (синтагматика) с вовлечением неязыковых семиотик у У. Эко.

Все упомянутые фундаментальные концепции в рамках генетической и таксономической парадигм объединяет математическое видение уровневой локализованности знаков. Для установления уровневой локализованности знаков (или же обобщения понятийных координат, способствующих спецификации континуальности и дискретности (подробнее см. Факторович, 2012) мы одновременно используем **оси выбора (селекции)** для исследования парадигматики и **комбинации** для синтагматики кода, понимаемого также как набор ментальных моделей. Одновременное использование осей вызвано эксплицитно-имплицитным аспектом. При сокрытии передаваемой информации процесс кодирования при помощи кодовых слов (слов-омонимов, вторичных номинаций при помощи переноса значения, неосемантизмов и т.д.) происходит на одной из осей и указывает на странности контекста, тогда как при сокрытии самого факта передачи информации кодирование происходит сразу на двух осях, по сходству и по смежности. В коде мы выделяем культурно-знаковую, языковую и речевую репрезентации, знаки которых в знаково-коммуникационном событии не всегда чередуются последовательно. Согласно нашей модели, вслед за Р. О. Якобсоном мы выделяем три типа знаков: *in praesentia*, *in absentia* и *in potentia* на основе их воспроизводимости (устойчивости, моделируемости) (подробнее см. Зубков, 2019 (1): 100-119). Мы также принимаем во внимание зависимость между употреблением слова и его содержанием (Крушевский, 1998: 141), когда ослабление ассоциаций по сходству ведет к усилению ассоциаций по смежности (там же: 66), которая получила в терминах знаковой теории языка название закона (правила) Крушевского-Куриловича: расширение синтагматики слова ведет к сужению его парадигматики и наоборот, чем богаче содержание слова, тем реже оно встречается в тексте (см. ЛЭС, 1990: 623). Для соотнесения языковой действительности с окружающей реальностью при анализе конкретного материала мы применяем методологию Л. Н. Гумилева (Гумилев, 2016: 367) и последовательно анализируем географическую, культурологическую,

этнологическую, политико-историческую, этнографическую, биографическую и филологическую проблематики. Учитывая дискретность процесса коммуникации в преступной среде и проблемы соответствующей фиксации в специальной литературе, в качестве критериев инвариантного использования нами были приняты следующие методологические постулаты: 1) отличие названия от самоназывания для учета пренебрежения исследователей в силу аксиологичности при экстраполяции замеченных признаков на собственную картину мира; 2) момент первой и последней фиксации в источнике любого вида на основе формальных признаков; 3) отсутствие переосмысления номинации с течением времени и изменением государственной формации.

Исследователями в XIX веке была зафиксирована собирательная номинация (*Золотая Рота*) для элиты организованной преступности в Российской империи (т.е. преступников с самым высоким статусом в криминальной среде) наряду с такими номинациями как (*Иваны*) *Непомнящие (родства)*, *законники*, *босяки*, *галахи (галаховцы)*, *бродяги* и *блатные* (Тиханов, 1899: 58-59; Гиляровский, 1928: 105; Максимов, 2014: 91). Первая известная нам фиксация арготизма *вор* в связи с интересующей нас организованной преступностью встречается в начале XX века в произведении А.И. Куприна, но еще не означает элиты (Куприн, 1971: 289). Арготические номинации (*Золотая Рота*) и (*Иваны*) *Непомнящие (родства)* выходят из активного употребления в XX веке наряду с фиксацией в справочной литературе арготизмов *в законе* и *вор* для означивания элиты организованной преступности в советской России. Интересным является тот факт, что арготизмы *законники*, *босяки*, *галахи*, и *блатные* продолжают использоваться в русском и польском арго, сравним: «*галах* – 1) бритый, лысый; 2) католический священник» (Балдаев, 1997: 84) и «*galałach* – *ksiądz* (католический священник)» (Stępniaк: 98 со ссылкой на Estreicher 1903); «*bosak (bosiak, bosan, bosek)* – *włóczęga (бродяга)*» (Stępniaк: 32) и «*босяк* (устар.) – *вор*» (Балдаев, 1997: 44); «*блатной, блатняк* – 1) то же, что *блатарь*

(см.) 2) человек, имеющий отношение к воровской среде»; «*блатарь* – вор, вор в законе» (Балдаев, 1997: 38) и «*blatny, blatniak, blatnik, blatownik – człowiek zaufany, utrzymujący tajemnice, doświadczony przestępca, dobry towarzysz, swój, złodziej [...]* (доверенный человек, сохраняющий тайну, опытный преступник, добрый товарищ, свой, вор)» (Stępniaк: 27); «*законник, законный* – вор, соблюдающий закон» (Балдаев, 1997: 142) и «*zakonnik – 1) 'sędzia' ... 'ksiądz' (судья ... ксендз)*», «*zakonny – szanujący prawo złodziejskie (уважающий преступное право)*» (Stępniaк: 454).

Синтагматика приведенных арготизмов указывает на три важных момента: 1) приведенные арготические номинации для означивания элиты организованной преступности возникли в Российской империи и продолжали без переосмысления использоваться в советском государстве; 2) интересующая нас элита организованной преступности в России тесно связана с элитой польской организованной преступности и, возможно, европейской: арготизмы *босяк* и *галах* анализируются Б. А. Лариным с поданием их немецкой этимологии и использованием в арго: «[...] вор. галах 'босяк' имеет соответствие в немецком современном воровском арго *gallach* 'поп, священник, проповедник' [...]» (Ларин, 1931), без объяснения, каким образом *босяк* может быть выведено из *бритьи*; 3) справочная литература указывает на **многоименность по принципу «он же»**, но не объясняет характеристик связей между приведенными арготическими номинациями. Мы не можем вскрыть причин происходящих процессов и объяснить выход из активного употребления одних арготических номинаций и инвариантную статальность других, явно чуждых по форме и обращающих на себя внимание слов без анализа парадигматических отношений, точнее комплексного анализа парадигматических и синтагматических отношений разноуровневых знаков *in praesentia*, *absentia*, и *potentia* и выделения культурно-знаковой, языковой и речевой репрезентаций.

При применении предложенной методологии мы должны обратить внимание на два явления с обратным знаком: **корреляцию** и **полиномию как многоименность**. Корреляция проявляется в процессе ассимиляции заимствования и выражается в семантическом сращении (подробнее см. Зубков, 2019 (1): 177-190), имея место при одновременном ослаблении связей по смыслу и усилении связей по форме, т.е. ослаблению связей слов по сходству и усилению связей по смежности. В метаязыке исследователей такая корреляция проявляет себя в плеоназме в речевой и языковой репрезентациях при образовании новых знаков *in praesentia*, например: *Золотая Рота, Иваны Непомнящие (родства), вор в законе* или *воровской закон*. В пользу данного утверждения свидетельствуют следующие языковые факты: словарь Даля фиксирует слово *рота* как сравнительно старое и общеупотребительное в значениях «присяга» и «присяжная артель, дружина, товарищество», а также номинацию *ротники* – «уже в XII веке составляли в Новгороде дружины, дававшие старость своему роту». *Ротниками* звались повольники, ушкуйники, вольница, шайки и артели; *ротное* – пошлина с данной присяги (с пометой *сущ.ср. стар.*); *ротитель*, *ротительница* – кто божится, клянется или присягает; *ротак* – «у кого привычка божаться и клясться» (Даль, 1980: 105). То же добавление прилагательного зафиксировано для арготизма *Закон* – «закон (Д) или (ДА) воровской закон – неписаный, но строго соблюдаемый закон преступного мира, продолжающий вековые традиции [...]» (Росси, 1991: т. 1: 122). В словаре Ж. Росси (Д) обозначает «специфически уголовное», а (А) «народное» (там же: ч. 1, с. 7), т.е. (ДА) следует понимать как специфически уголовное и народное. Современные контактные исследования подтверждают данное утверждение: «Вор в законе – это милицейское определение. Общаясь с ними, я не слышал, чтобы кто-то из них называл кого-либо так. Обычно это было обращение 'вор', 'жулик' или в лучшем случае 'законник» (Карышев 2005, 456). На возникновение номинации *вор в законе* от арготизма *закон* указали известнейшие арготологи М. А. Грачев и В.М. Мокиенко (Грачев, Мокиенко,

2008: 78-82). Только польским влиянием можно объяснить появление арготической номинации *в законе*, на основе русского языка не проясняемой – соответствующий польский арготизм зафиксирован справочной литературой, сравним: «неписанное, но обычно обязывающее право профессиональных преступников, принадлежность к обществу профессиональных преступников, преступный этос, преступная среда [...] урочий закон как преступная профессия» (Stepniak: 453). Кроме того, в польском языке мы находим омонимичные *zakon* 1 в значении «религиозное братство, монашеский орден, в том числе воинский», *zakon* 2 как «община побирающихся нищих с очень строгими внутренними порядками» (Dubisz, 2003: т. 4, 802) и архаизм *zakon* 3 в значении «правило, право» (Brückner, 1957: 643-644). Добавление существительного к субстантивированному прилагательному *Непомнящий* мы предполагаем у номинации (*Иван*) *Непомнящий* (*родства*): «У бродяг самое употребительное имя Иван, а фамилия Непомнящий. Вот несколько бродяжеских прозвищ: Мустафа Непомнящий, Василий Безотечества, Франц Непомнящий, Иван Непомнящий» (Чехов, 1987: 17). Показанное выше явление семантического сращения при ослаблении связей слов по сходству и усилению связей по смежности может являться как следствием попыток прояснения непонятных арготизмов исследователями, так и т.н. «манипулятивной технологией веерного сдвига окна дискурса» (см.: Романов, Романова, 2018), т.е. сознательной манипуляцией исследователями в каком-либо временном отрезке. Сравним уничижительное «*блат блатованный* – случайный человек, оказавшийся соучастником преступления» (Балдаев, 1997: 38). Мы также полагаем, что исчезновение арготизмов (*Золотая*) *Рота* и (*Иван*) *Непомнящий* (*родства*) было вызвано как выходом из употребления слов общего языка, прикрывающих арготизм, так и возможностью выводимости для исследователей в опоре об остальные полиномные арготизмы.

Для элиты профессиональной преступности процесс корреляции опирается на культурно-знаковую и языковую репрезентации и оперирование

знаками *in absentia* и *in potentia* во избежание оставления следов в форме языковых фактов. Для исследователя арго это выражается в полиномии как многоименности при работе со сведениями источников. С точки зрения принципов сходства и смежности мы имеем дело здесь с усилением связей слов по сходству и ослаблением связей по смежности, о чем свидетельствует отсутствие сращения у заимствованных арготизмов *блатной*, *галах* и *босяк*, до сих пор употребляемых элитой профессиональной преступности. Это, в свою очередь, свидетельствует об их мотивированности для преступников и сокрытии своей идеологии для непосвященных. В толковом словаре В.И. Даля слово *блат* отсутствует, впервые будучи зафиксированным в словаре М. Фасмера как заимствование из «еврейско-немецкого» посредством польского арго. Особое внимание обращает на себя указание, что в основе возникновения этого арготизма лежит идея укрывательства или посвящения (Фасмер, 1986: т.1, 172). В словаре Балдаева также указывается на тесную связь арготизма *блат* с преступной средой (Балдаев, 1997: 38). В словаре Росси указано следующее: «[...] Блатной признает один лишь воровской закон (см. закон¹⁻⁶) и отвергает все прочие законы. Он презирает всех неблатных, в том числе и уголовников (ср. сучья война 1; 2). Все они рассматриваются как дичь, на которую у блатного неограниченное право охотиться [...]» (Росси, 1991: ч. 1, 33). Анализ парадигматики рассмотренных арготизмов подтверждает наши предположения: выше мы упоминали о действии закона (правила) Крушевского-Куриловича относительно теории знаковых систем, заключающемся в том, что расширение синтагматики слова ведет к сужению его парадигматики и наоборот, чем богаче содержание слова, тем реже оно встречается в тексте. Мы заметили, что (*Иваны*) *Непомнящие (родства)* были членами преступной элиты, называемой (*Золотая*) *Рота*, также по отношению к ним употреблялись номинации *галах* (проясняемое как *католический священник* и *бритый*) и *босяк* (как *босой*), а также *законник*. В словаре А. Брюкнера *bosy* этимологизируется как «*żydowski*» (т.е. идиш) от «*bosiny* – недельный траур в иудаизме»,

указывается также вариант *na bosaka* в значении «босиком» с пометкой «праслово» (Brückner, 1957: 37). Мы видим два омонима с различной этимологией, как и в случае слова *Poma* – в значении «клятва» и в значении «преступная организация». Существительное *Иван* не является также инвариантным в номинации (*Иван*) *Непомнящий (родства)*, поскольку выше было показано, что *Непомнящими (родства)* были также *Мустафа, Василий, Франц*, а это показывает, что речь идет не только о русском этническом происхождении. В источниках XIX века можно найти прямые упоминания об *отказе от родства*, сравним: «В деле сохранился странный ответ бродяги, записанный за ним в Черкесском духовном правлении 28 ноября 1800 г.: «Я с восточной страны, родом с долу низу и с верху горы. Отец мой небесный Христос, а отца по плоти объявлять не надобно, и матери также не надобно» (Эйдельман, 1988: 390-391). Из приведенной цитаты явственно следует, что допрашиваемый бродяга, *сын Христа* (как оказалось после пыток, беглый казенный крестьянин Василий с реки Волги) *отрекается от родства*. Мы видим два аспекта: 1) омонимичные слова с разным значением и разной этимологией синтагматически накладываются друг на друга и препятствуют анализу; 2) анализ парадигматики указывает на отказ от родства и коррелирует с недельным трауром в иудаизме (как по мертвому), а также принесением какой-то присяги. Трудно поверить, что элита организованной преступности может иметь к Христу какое-либо отношение, но языковые факты показывают обратное, сравним: «*И потянет бродяг поезд волонтягою. Все кресты на грудях, на судьбе кресты. Говорят, что Христос тоже был бродягою, и за это его кончили менты*» (Заборский, 2001) или же «*На Кавказе взошла звезда*» (Мистер Кредо, 2012). Или, например, «*Не далее, как четыре года назад мне пришлось в одном городишке несколько дней пробыть Иисусом Христом. И все было в порядке*» (Ильф, Петров, 2015: 538). Вот еще один пример, как и предыдущий относящийся к началу XX-го века: «*В рай все воры попадают. Пусть кто честные, те знают. Нас там через черный ход пускают*» (Утесов,

1926). Учитывая презрение *Непомнящих (родства)* к властям и их уверенность в своей правоте («Упорство и крайнее презрение, с коим он мне отвечал, побудили меня употребить и строгость, при коей исчезла его уродливость (юродство-Ав.)» (Эйдельман, 1988: 391)), при соотнесении представленной информации с арготизмом *галах* мы можем высказать предположение об определенной идеологии, опирающейся на апокрифическую литературу, сравним: «В Послании к галатам в частности утверждается, что пришествие Христа отменило закон, что исполнение всех обрядов есть ‘иго рабства’, от которого освобождает учение Христа, одинаково доступное и иудеям, и язычникам» (Свенцицкая, 1988: 216). Сравним также *шутвис* – «'коммерческая компания' между преступниками, что-то 'священное и даже утверждаемое раввином'» (Фридман, 1931). Если на основе русского языка у арготизма *галах* трудно увидеть несоответствие между *бритьей, лысый и католический священник*, то в такой католической стране, как Республика Польша, это просто невозможно – тонзуру бреют монахи, т.е. *mnisi, zakonnicy, bracia zakonni* (монахи, законники, законные братья). То же религиозное наполнение мы видим и у арготизма *Закон*: в словаре выдающего лингвиста А. Брюкнера мы встречаем наряду с указанием праславянских корней и давнего широкого распространения на Балканах и среди Литвы, на Кавказе, и за Волгой, намек на умирание и возрождение, сравним: в праславянском со значением ‘право’ т.е. того что *закон* (т.е. начала) бывает, ср. конец [...] Закон и покон возле себя стоят [...] *поконник* как начальник в прастаром переводе Апостола, все от ‘кон’, начало и (конец)» (Brückner, 1957: 643-644). Особый интерес представляет приводимая Брюкнером этимология слова *Rota* от инд. *wrata* в значении «право, закон» (там же: 464). Мы можем предположить, что *Ротой* (т.е. клятвой) для *(Иванов) Непомнящих (родства)* и позднейших *(воров) в законе* является формула *Отказа от родства* Салической правды (*Lex Salicae*) с некоторыми дополнительными верифицирующими моментами для посвященных *в законе*. Основанием для подобного предположения является как анализ приведенных

выше примеров, так и наличие в немецком языке лексем *die Rota* как *die Rota Romana* в значении «наивысший папский суд католической церкви» (Duden, 1997: 716), *Rotuere* в значении «низшие слои общества» этимологически из латыни через французский с отметкой устаревшее (там же: 717), арготизма *rotboß* в *Liber Vagatorum* 1510 (как «пристанище для нищих»), соотносимого с рассмотренными выше арготизмами *босяк* и *Рота*, упоминаемыми Б.А. Лариным *die Galatten* (Ларин, 1931 со ссылкой на Kluge), арготизмом *rottun* как «название для нищего» (Kluge, 1987: т.1., 77), да и собирательным полиномом *Rotwelsch* для немецкого арго. Необходимо также упомянуть о том, что в польском языке слово *Rota* продолжает употребляться в значении «присяга перед судом» (с пометой «без ошибки в повторении присяги, поскольку ошибка вела к проигрышу процесса») наряду с его производными *rotnik* (*ротник*) и *rotne* (*ротное*) в том же значении, что и в словаре Даля (см. Brückner, 1957: 463).

Все вышеизложенное отрицает миф о «(ворах) в законе» как исключительно российском преступном сообществе в советскую эпоху, возникший из-за применения методологии в опоре о формальные языковые признаки, дословного и не всегда критического анализа источников при их соотнесении с внеязыковой действительностью, непринятия во внимание невербальных семиотик, а также фокусирования на количественном анализе в ущерб качественному. С точки зрения практического использования полученных результатов в других областях знания и дальнейших лингвистических исследований нами показан один из способов решения вышеуказанных проблем посредством создания специальной библиотеки общего пользования на основе определенных принципов категоризации источников наряду с введением термина **полином**.

3. Методологический подход к анализу полиномов

В настоящее время термин *полином* употребляется вместо слова *многочлен* (как имеющий много частей) и тесно связан с математикой. При

ассимиляции заимствования в русском языке XIX века это слово значило «математическое выражение, состоящее из нескольких членов, разделенных между собой знаками плюс или минус», *полиномический* – многочисленный, *полинонимный* – многоименный, а *полинонимия* – многоименность (Михельсон, 1883: 557). Впервые рассматриваемые термины появились не в алгебре, а ботанике на базе латинского языка, а их появление связано с именами Отто Брунфельса, Иеронимуса Бока, Леонарта Фукса, и отца биномиальной номенклатуры Карла Линнея. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона слово *полином* объяснено как «многочлен», а *полинонимия* как «противоположность *гомонимии*». Под этим термином, известным еще древним стоикам, Макс Мюллер («Чтения о науке о языке», серия II, лекция VIII) понимает обилие имен для одного и того же понятия, основанное на обилии разных признаков, входящих в его состав [...] Таким образом, каждое понятие может получить несколько эпитетов, которые затем делаются именами [...]» (Энциклопедический словарь 1890-1907). Мы видим, что в русском языке XIX века существовали и употреблялись взаимозаменяемо две формы заимствования для означивания «многоименности», *полинонимия* и *полионимия*, а концепция Фридриха Макса Мюллера была достаточно известна: «Чтения о науке о языке» («Лекции по науке о языке») были опубликованы в России впервые в 1866 году в журнале «Филологические записки». Взгляды Мюллера были сразу же подвергнуты резкой критике: в Российской империи за «антихристианскую настроенность» (например Ю.Ф. Самариным в труде «По поводу сочинений Макса Мюллера по истории религий»), в Британской империи в 1860 году – за либеральные христианские взгляды и немецкое происхождение при конкурсе на должность профессора санскрита фонда Дж. Бодена в Оксфордском университете.

В советском языкознании во времена доминирования структурализма термины *полионим* и *полинонимия* употреблялись преимущественно в рамках школы А. В. Суперанской, при «условности» синонимии, сравним:

«Полионимы обычно относятся к разным полям (социальным, стилистическим, собственно ономастическим. Употребление одного имени вместо другого бывает продиктовано средой, эпохой, обстановкой, характером людей, вступающих в речевую ситуацию и т.п.» (Суперанская, 1973: 300). В российской лингвистике, уже в рамках коммуникативно-функциональной (антропоцентрической) парадигмы, термин *полионим* стал пониматься как *универсальный культуроним* в школе В.В. Кабакчи (см. Кабакчи, 1998). В нашем исследовании, вслед за Ф.М. Мюллером, под термином *полиномия* (в том числе как *полионимия при невовлечении невербальных семиотик*) мы понимаем обилие имен (номинаций) для одного и того же понятия на основе разных качеств (признаков), входящих в его состав. Употребление термина *полином* в советском языкознании в рамках таксономической парадигмы с позднейшим последовательным переходом в коммуникативно-функциональную парадигму российской лингвистики связано с разработкой т.н. *N+N структур* (с 50-х годов прошлого века) и введением в лингвистику термина *номинативный бином* (с конца 70-х) для использования достижений науки и техники того времени в филологических исследованиях. С разработкой *N+N структур* в рамках теории словосочетания связаны работы А.И. Смирницкого, О.С. Ахмановой, И.В. Арнольд, С.Г. Тер-Минасовой, В.М. Жирмунского, О.Н. Трубецкой, А.В. Кунина, Е.С. Кубряковой и многих других. Исследования производились в рамках порождающей грамматики (в том числе трансформационной и трансформационно-генеративной), был исследован характер, иерархичность структуры и инвентарь типов семантических отношений, разложение структуры полиномов на биномы, свертывание до акронимов, установление когнитивной целостности/раздельности и т.д. Была проделана огромная работа для создания стройной теории. Но, исходя из проверенных разработок *N+N структур* и соответствующей терминологии, в нашем исследовании мы сталкиваемся с конструкциями типа: $N+A(N?)+(N)$ для (*Иван*) *Непомнящий* (*родства*), $X(N?)+A(N?)+X$ для *Непомнящий* или же $N+A$ для *Иван*

Непомнящий как показано выше. Имеют место различные способы сокрытия информации, в том числе со сменой рода, например: «ksiądz samica 'zakonnica' (ксендз самица монахиня т.е. законница)» (Stępniaк: 173) или же *wora* вместо (*wor*) *в законе* (Грачев, Мокиенко, 2008: 81). Отмечены гематрические практики: уже за пределами среды польских профессиональных преступников широко распространено слово *gryps* для означивания различных способ сокрытия передаваемой информации, описано также огромное количество производных этого арготизма, но не была прояснена его этимология. На основе контактных исследований нами было установлено, что нужно просто повторить без перерыва это слово 13 раз для получения этимологии. Выходит слово *scrib*, т.е. корневая морфема от лат. *писать*. В настоящее время особую известность в русскоязычном пространстве получило слово *ауешник*. Данное существительное (как N-структура) было образовано от акронима *A.U.E.*, печально известного в Российской Федерации как *Арестантский Уклад Един* и связываемого с преступностью в среде несовершеннолетних граждан. Простая логика при соотнесении с внеязыковой действительностью противоречит утверждению о единстве, о чем свидетельствует хотя бы наличие т.н. *мастей* (иерархии в преступной среде) и существование самих «(воров) в законе». В данном случае мы формально имеем дело со структурой типа A+N+A(Ad) и возможностью ее разложения на части, т.е. формально полиномом. Однако в коммуникации в среде профессиональных преступников мы имеем дело с очень старым приветствием (на основе контактных исследований одного из авторов), не зафиксированным специальными словарями, *Aue* (являющимся немецкой реституцией классической латыни, от *Ave* (Gacia, 2010:59)) и значащим *Здравствуй (брат)!, Приветствую тебя Брат!* Только парадигматически, не синтагматически, возможно отнесение к многовековому единству элиты профессиональной преступности. Мы имеем дело с арготическим полиномом, который с точки зрения разработок N+N структур будет трудно классифицировать.

Для вовлечения в анализ N+N структур иных, чем вербальные, знаковых систем мы должны предложить особую методологию и подход к знаковым системам по принципам сходства и смежности, не отрицая достижений наших предшественников. Более того, в традиционной методологии исследования номинативных биномов и полиномов остался нерешенным, даже теоретически, вопрос монома. В связи с развитием науки и техники предположение, что *мономом* может быть *буква*, для наших исследований неприемлемо – при сокрытии передаваемой информации компьютер выполняет зашифровывание числами, а не буквами, используя последовательности единиц и нулей (двоичных знаков, битов). Это приводит к тому, что на уровне двоичных цифр перестановки можно осуществлять внутри буквы (Сингх, 2009: 277). В связи с развитием науки и техники, в том числе коммуникаторов и смартфонов различного вида, нужна новая методология исследований. Исходя из методологии исследований, под *мономом* мы понимаем минимально разложимую единицу информации, в том числе с отрицательным показателем. Разложимость зависит от функции, применяемой к определенного типа структуре с учетом информационной энтропии. С точки зрения общей теории языковых систем *мономом* может быть буква, слово, словосочетание или даже предложение в зависимости от критериев разложимости (т.е. факторизации), воспроизводимости и, самое главное, их узнаваемости. С точки зрения невербальных семиотик, *мономом* может быть любой инвариантный знак или даже его отсутствие, геометрическая фигура, татуировка, точка или запятая, спация, неправильное правописание, перепад напряжения в сети, эхо при разговоре, световой блик у старых телефонов или ноутбуков (считавшийся свидетельством «присутствия»), быстро разряжающаяся батарейка, в(з)дох, почесывание носа определенным образом, сморкание или шмыганье носом и т.д., также могущие иметь свое вербальное выражение в иносказательной форме и быть используемыми в коммуникации. Учитывая наличие в нашей модели знаков *in absentia* и *in potentia*, каждый знак культурно-знаковой, языковой и речевой

репрезентаций, в том числе при их «случайном» или же эксплицитном чередовании в коммуникационном событии, подвергается анализу для установления инвариантности и приписания к дискретной (т.е. прерывистой) последовательности соответствующей структуры.

В качестве решения проблемы мы предлагаем создать специальную библиотеку общего пользования, в которой были бы зафиксированы и описаны инвариантные номинации для означивания элиты европейской организованной преступности наряду со свойственными ей ментальными моделями. Словарные статьи в предлагаемой тематической библиотеке общего пользования должны быть предварительно подвергнуты научной критике экспертами с академической аккредитацией. Наиболее продуктивным в данной связи было бы создание международного экспертного совета арготологов на основе партнерства между университетами и реализация проекта по международным грантам. Кроме того, используемые материалы должны быть только источниками открытого доступа. Во избежание правовых конфликтов, различные репортажи и интервью с профессиональными преступниками и сотрудниками спецслужб (авторизация в данной связи не имеет значения) не могут непосредственно попадать в базу, а лишь после опосредованной научной критики в академических изданиях.

Выводы

Сравнительный анализ инвариантных арготизмов для означивания самого высокого криминального статуса в русском и польском языках показал идентичность парадигматических и синтагматических отношений рассмотренных номинаций с временным интервалом в два столетия, до появления советского государства. Мы показали, что преступное сообщество, называемое (*воры*) *в законе*, существует не только в РФ. Было установлено, что при возникновении и дальнейшем криптонимическом и криптолаллическом использовании арготических полиномов в качестве

эндоэтнонимов происходит их взаимная ротация, которая выражается в постепенном выходе из употребления одной из смежно функционирующих номинаций: арготизмы (*Золотая Рота* и *(Иван) Непомнящий (родства)* для означивания самого высокого криминального статуса выходят из употребления в течении нескольких десятилетий после появления новых (*в законе, законник*) и переосмыслении старых (*вор*) номинаций. Смена собирательного арготического полинома может совпадать с временным отрезком редукции омонимичных рядов. Мы предполагаем, что процесс редукции омонимичного ряда мог повлиять на исчезновение арготизмов (*Золотая Рота* и *(Иван) Непомнящий (родства)* в связи с их сильной корреляцией в знаковой системе, и, как следствие, взаимной выводимостью для исследователей в опоре об остальные инвариантные арготические полиномы.

Ссылки – References in Russian

Балдаев, 1997 – *Балдаев Д.С.* Словарь блатного воровского жаргона. От А до П. – М.: Кампана, 1997. – 387 с.

Гиляровский, 1928 – *Гиляровский В.А.* Мои скитания (Повесть бродяжной жизни). – М.: Федерация, 1928 [Электронный ресурс] URL: <http://lib.ru/RUSSLIT/GILQROWSKIJ/skitania.txt> (дата обращения 10.01.2020).

Грачев, Мокиенко, 2008 – *Грачев М.А., Мокиенко В.М.* Русский жаргон. Историко-этимологический словарь. – М.: Аст-пресс, 2008. – 335 с.

Заборский, 2001 – *Заборский А.* Паучок, 2001 [Электронный ресурс] URL: <http://www.youtube.com/watch?v=GkBvIP4-wUA> (дата обращения 11.02.2020).

Зубков, 2019(1) – *Зубков Е.* Русский уголовный дискурс. Книга первая. Уголовный дискурс как феномен усложненной семиотической деятельности. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2019. – 226 с.

Зубков, 2019(2) – *Зубков Е.* Русский уголовный дискурс. Книга вторая. Парадигматика русского уголовного дискурса и анализ российского

уголовного антропогенного ландшафта. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2019. – 302 с.

Кабакчи, 1998 – *Кабакчи В.В.* Основы англоязычной межкультурной коммуникации: Учеб. пособие. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцина, 1998. – 232 с.

Карышев, 2005 – *Карышев В.* Русская мафия 1988-2005. Криминальная хроника новой России. – М.: Эксмо, 2005. – 540 с.

Крестовский, 1990 – *Крестовский В. В.* Петербургские труппы (книга о сытых и голодных): в 2-х томах. – Л.: Изд. Художественная литература, 1990. т.1 – 702 с., т.2 – 799 с.

Крушевский, 1998 – *Крушевский Н.В.* Избранные работы по языкознанию. – М.: Наследие, 1998. – 296 с.

Куприн, 1971 – *Куприн А.И.* Обида. Собрание сочинений в 9 томах. Том 4. – М.: Худ. литература, 1971. – С. 288–303.

Ларин, 1931 – *Ларин Б.А.* Западноевропейские элементы русского воровского аргю // Язык и литература. Т. 7. – Л. (СПб.) 1931. – С. 113–130.

ЛЭС, 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. Коллектив авторов, гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.

Максимов, 2014 – *Максимов С.В.* Сибирь и каторга. Часть первая (Архив русского сыска). – М.: Директ-Медиа, 2014. – 406 с.

Мацкевич, 2014 – *Мацкевич И.М.* Мифы преступного мира. – М.: Проспект, 2014. – 365с.

Мистер Кредо, 2014 – *Мистер Кредо.* Дедушка Хасан, 2014. [Электронный ресурс] URL: https://www.youtube.com/watch?v=1_NxJMZ9R0g (дата обращения 11.02.2020).

Михельсон, 1883 – Объяснительный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней: Сост. по словарям: Гейзе, Рейфа и др. 9-е изд. Ред. Михельсон, А. Д. [Электронный ресурс] URL: <https://www.prlib.ru/item/354602> (дата обращения 11.02.2020).

Романов, Романова, 2018 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Дискурсивные регулятивы информационных атак // Дискурс-Пи. – 2018, №1. – С. 17–23.

Росси, 1991 – *Росси, Ж.* Справочник по ГУЛАГу. В 2-х частях. Изд. 2-е, дополненное. – М.: Просвет, 1991, т. 1 – 263-е с.; т. 2 – 546 с.

Свенцицкая, 1988 – *Свенцицкая, И.С.* Раннее христианство: страницы истории. – М.: Издательство политической литературы 1988. – 336 с.

Сингх, 2009 – *Сингх С.*, Книга шифров. Тайная история шифров и их расшифровки. – М.: АСТ-Астрель, 2009. – 447 с.

Суперанская, 1973 – *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 366 с.

Тиханов, 1899 – *Тиханов П.Н.* Черниговские старцы: Псалки и криптогоссон. [Электронный ресурс] URL: <https://www.brevestnik.ru/tihanov/heritage/startsi/> (дата обращения 11.02.2020).

Утесов, 1926 – *Утесов Л.* Гоп со смыком, 1926 [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vUsGIjVGpsc> (дата обращения 11.02.2020).

Факторович, 2012 – *Факторович А.Л.* О специфике континуальности и дискретности в современном медийном пространстве // Вестник Майкопского государственного технологического университета. Выпуск 1. [Электронный ресурс] URL: <http://vestnik.mkgtu.ru/2018/06/07/журнал-вестник-майкопского-государ-438/> (дата обращения 11.02.2020).

Фасмер, 1986 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4-х томах. Том 1. – М.: Прогресс, 1986. – 576 с.

Фридман, 1931 – *Фридман М.М.* Еврейские элементы 'блатной музыки' // Язык и литература, Т. VII, Л. (СПб.). – С. 131–138.

Чехов, 1987 – *Чехов А.П.* Остров Сахалин. Сочинения в восемнадцати томах. Тома четырнадцатый – пятнадцатый. Из Сибири. Остров Сахалин. – М.: Наука, 1987.

Эйдельман, 1988 – *Эйдельман Н.Я.* Грань веков. // В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVIII века, М.: Мысль, 1988, С. 284–605.

Энциклопедический словарь (1890 – 1907) – Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева, Д.М. Петрушевского. СПб. 1890 – 1907 [Электронный ресурс] URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/> (дата обращения 11.02.2020).

References

An Explanatory Dictionary of Foreign Words Assimilated by the Russian Language with Explanation of their Stems. Ed. A.D. Michelson (on-line) (in Russian)

A Linguistic Encyclopaedic Dictionary. Ed. Yarceva V.N., Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 682 p. (in Russian)

Baldayev, D.S. (1997) *The Dictionary of Criminal Felon Argot. From A to P.* Moscow, Campana, 387 p. (in Russian)

Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary 1890-1907. Ed. Andreyevski I.E., Arseniev K.K., Petrushevski D.M. (on-line). (in Russian)

Brückner A. (1975) *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa, Wiedza powszechna, 808 p.

Chekhov, A.P. (1987) The Island of Sakhalin. In: *Selected Works in Eighteen Volumes. Volume 14-15. From Siberia. The Island of Sakhalin*, Moscow, Nauka Publishing House (in Russian)

Uniwersalny słownik języka polskiego (2003), Warszawa, PWN, 5426 p.

Duden (1997) *Fremdwoerterbuch. Band 5.* Mannheim: Dudenverlag, 864 p.

Faktorovich, A.L. (2012) About the Specifics of Continuity and Discreetness in Modern Media Space // *The Bulletin of Maikop State Technological University*, vol. 1(on-line). (in Russian)

Fasmer, M. (1986) *An Etymological Dictionary of the Russian Language.* In 4 volumes, Vol. 1, Moscow, Progress Publishing House, 576 p. (in Russian)

Friedman, M.M. (1931) The Jewish Elements of 'Rogue Music // *Language and Literature*, vol. 7, pp. 131–138. (in Russian)

Gacia, T. (2010) *W kwestii restytucji klasycznej wymowy łacińskiej // Acta Universitatis Lodzianensis Folia Linguistica*, Vol. 45, pp. 55–64.

Giliarovski, V.A. (1928) *My vagabond life*, Moscow, Federation.

Grachev, M.A., Mokienko, V.M. (2008) *Russian Jargon. A Historical Etymological Dictionary*, Moscow, Ast-press, 335 p. (in Russian)

Eidelman, N.Y. (1988) *The Edge of Centuries // Struggling for Power. Pages of Russian Political History in the XVIII Century*. Moscow, Mysl Publishing House, pp. 284–605. (in Russian)

Kabakchi, V.V. (1998) *The Basics of English-Speaking Intercultural Communication*, Saint Petersburg, RGPU named after A.I. Hercen, 232 p. (in Russian)

Karyshev, V. (2005) *The Russian Mafia 1988-2005. Criminal Chronicles of New Russia*, Moscow, Eksmo, 540 p. (in Russian)

Kluge F. (1987) *Rotwelsch. Quellen und Wortschatz der Gaunersprache und der verwandten Geheimsprachen. Straßburg: Trübner* (Berlin – New York: Photomechanischer Nachdruck) (on-line) <https://archive.org/details/rotwelschquelle01kluggoog>.

Krestovski, V.V. (1990) *The Saint Petersburg Slums: in 2 volumes*. Saint Petersburg, Hudozhestvennaja Literatura Publishing House, v.1 – 702 p., v.2 – 799 p. (in Russian)

Krushevski, N.V. (1998) *Selected Works on Linguistics*, Moscow, Nasledie Publishing House, 296 p. (in Russian)

Kuprin, A.I. (1971) *Resentment*. In: *Selected Works in 9 Volumes*, Vol.4. Moscow, Hudozhestvennaja Literatura Publishing House, pp. 288–303. (in Russian)

Larin, B.A. (1931) *Western European Elements of the Russian Felon Argot // Language and Literature*, vol. 7, pp. 113–130. (in Russian)

Maksimov, S.V. (2014) *Siberia and Hard Labour. Part One (The Archive of Russian Criminal Police)*. Moscow, Direct-Media, 406 p. (in Russian)

Matskievich, I.M. (2014) *The Myths of the Underworld*. Moscow, Prospect Publishing House, 365 p. (in Russian)

Mister Credo (2014) *Grandpa Hassan* (on-line). (in Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2018) *Discursive Regulatives of Information Attacks*. // *Discourse-Pi*, vol. 1, pp. 17–23. (in Russian)

Rossi J. (1990) *A Guide to the GULAG*. In Two Volumes. Moscow, Prosvet Publishing House, v. 1 – 263-e p.; v. 2 – 546 p. (in Russian)

Sventitskaya, I.S. (1988) *Early Christianity: Pages of History*, Moscow, Political Literature Publishing House, 336 p. (in Russian)

Singkh, S. (2009) *The Book of Ciphers. A Secret History of Ciphers and their Decipherment*, Moscow, AST-Astrel Publishers, 447 p. (in Russian)

Stępnia K. *Słownik gwar przestępczych*. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Mireki (without year of edition). – 490 p.

Superanskaya, A.V. (1973) *A General Theory of Proper Names*, Moscow, Nauka Publishing House, 366 p. (in Russian)

Tikhanov, P.N. (1899) *Chernigov Elders: Psalms and Cryptoglossary* (on-line). (in Russian)

Utesov, L. (1926) *Hopla with Passe-Partout* (on-line). (in Russian).

Zaborski, A. (2001) *A Spider* (on-line). (in Russian)

Zubkov, E. (2019/1) *Russian Criminal Discourse. Book One. The Criminal Discourse as a Phenomenon of Complex Semiotic Activity*, Torun, Adam Marszalek Publishing House, 226 p. (in Russian)

Zubkov, E. (2019/2) *Russian Criminal Discourse. Book Two. The Paradigmatics of Russian Criminal Discourse and an Analysis of Criminal Anthropogenic Landscape in the Russian Federation*, Torun, Adam Marszalek Publishing House, 302 p. (in Russian)